

О.О. Резвова

АВТОИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖ. БАРНСА

Интертекстуальность является неотъемлемой чертой эстетики постмодернизма. Под ней понимается свойство текста отсылать читателя независимо от интенций автора к различным претекстам, выявляемым на уровне цитаты, аллюзии, реминисценции. Произведение

постмодернизма – это всегда коллаж заимствований, изобилие которых порождает смысловую ризому, где очень трудно отличить главное от второстепенного, случайное от целенаправленного. Своё отношение к многочисленным претекстам автор всячески скрывает за «авторской маской», выступая попеременно то как автор-шут, то как эстет, графоман, критик. В этой связи анализ текста не будет полным, если не принять во внимание автоинтертекстуальные связи. Можно проследить автоаллюзии, автореминисценции и т. д. (автор заимствует образы, темы, идеи из своих собственных, более ранних текстов). При условии семантической избыточности, принципиальной интерпретационной открытости, полистилизма постмодернистского текста именно автоинтертекстуальные составляющие помогают приоткрыть «авторскую маску», выявить наиболее значимые темы, мотивы, идеи.

Роман Дж. Барнса «Попугай Флобера» является претекстом его более поздних произведений: «История мира в 10 ½ главах», «Дикобраз». Для постмодернизма характерна так называемая «постмодернистская чувствительность» – восприятие мира как хаос, лишенный причинно-следственных связей. По этой причине в постмодернистском тексте история изображается как алогичный процесс случайных совпадений. Для постмодернизма мир – это текст, а история – это диалог противоречивых дискурсов, в ходе которого не выясняется никакая истина, так как конечная смысловая завершенность иллюзорна.

В романе «История мира в 10 ½ главах» можно найти следующие рассуждения про историю. «History isn't what happened. History is just what historians tell us. There was a pattern, a plan, a movement, expansion, the march of democracy; it is a tapestry, a flow of events, a complex narrative, connected, explicable. One good story leads to another... And we cling to history as a series of salon pictures, conversation pieces whose participants we can easily reimagine back into life, when all the time it's more like a multimedia collage, with paint applied by decorator's roller rather than camel-hair brush. The History of the world? Just voices echoing in the dark; images that burn for a few centuries and then fade; stories, old stories that sometimes seem to overlap; strange links, impertinent connections [2, p. 240]. Претекстом для данного фрагмента является роман «Попугай Флобера», в кото-

ром главный герой Брэйтуэйт, ознакомившись с мемуарами Мориака, приходит к выводу, что узнать точную, правдивую историю жизни писателя невозможно. По мнению Брэйтуэйта, стремление выяснить историческую правду – подобно тщетной попытке рассмотреть лицо пассажира в отражении на стекле вагона. «You wait, and look, and catch a face against a shifting background of sooty walls, cables, and sudden brickwork. The transparent shape flickers and jumps, always a few feet away... Then there is a wail from ahead, a roar and a burst of light; the face is gone for ever [1, p. 96]. Вышеупомянутые цитаты не только похожи своей основной идеей, но и имеют схожее метафорическое основание. Во-первых, выражение «images that burn for a few centuries and then fade» (роман «История мира в 10 ½ главах») является аллюзивным по отношению к фразе «a burst of light; the face is gone for ever» (роман «Попугай Флобера»). Во-вторых, образ «multimedia collage, with paint applied by decorator's roller rather than camel-hair brush» (роман «История мира в 10 ½ главах») отсылает к описанию неясного, мерцающего лица на стекле вагона «catch a face against a shifting background» (роман «Попугай Флобера»).

Деконструкция является основополагающим концептом философии постмодернизма, акцентирует идею смыслового пере-конструирования, основанного на отделении означающего от означаемого. В литературе постмодернизма широко применяется эстетизация науки, т.е. научные идеи получают свое литературное воплощение в самом тексте. В произведении «Попугай Флобера» есть образ «пустой» формы, формы, не передающей традиционного содержания. В начале романа дается описание памятников Г. Флобера в нескольких французских городах. Обветшалые фигуры напоминают нелепые изваяния, груды металла, лишённые красоты и изящества. Эти монументальные, никому не нужные безвкусные памятники никак не передают величие и уникальность французского классика. В романе «Дикобраз» есть описание пустыря возле сортировочной станции в выдуманной стране бывшего соцлагеря, куда свезли статуи политиков, неугодных новому режиму. Памятники Сталину, Ленину, Брежневу и другим коммунистическим лидерам утратили свое идеологическое значение, перестали символизировать исторические ориентиры и превратились в бесполезный бронзовый хлам, представляющий инте-

рес разве что для мародера, пытающегося отколоть у какого-нибудь монумента половинку уса на сувенир («to chip off a souvenir half-moustache») [3, p. 43]. Приведенная фраза про ус – это маркер аллюзивной связи романов «Дикобраз» и «Попугай Флобера». В «Попугае Флобера» разрушение одного из памятников писателя тоже начинается с усов («bits of his moustache have fallen off») [1, p. 12].

Итак, роман «Попугай Флобера» является претекстом романов «История мира в 10 ½ главах» и «Дикобраз». Данные тексты связаны на уровне аллюзии.

Литература

1. *Barnes J.* Flaubert's Parrot. – L., 1985.
2. *Barnes J.* A History of the World in 10 ½ Chapters. – N.-Y., 1990.
3. *Barnes J.* Porcupine. – N.-Y., 1993.